

“Г

еополитика» пришла к нам в страну на рубеже 80-х и 90-х прошлого века.

В то время, когда Россия только знакомилась с ней — по публикациям А.Г. Дугина и наспех переведенным первоисточникам, Вадим Леонидович Цымбурский ее создавал. Создавал не как «лысенковщину вместо науки», а как «искусство вместо лысенковщины» — искусство мировидения, построения «стратегических» картин мира, непревзойденным мастером которого был.

История Цымбурского как культурфилософа и геополитика, прежде всего в 1990-е — начале 2000-х годов, рассмотрена в монографии Б.В. Межуева, первой специальной книге, посвященной исследованию его общественно-политических взглядов¹.

Крупный филолог-«классик», он был погружен в мир древних языков Восточного (а также Центрального) Средиземноморья. Занимаясь вопросами происхождения этих языков, Цымбурский не мог обойти проблему формирования этнической карты данного региона. В свою очередь, изучая этническую историю Восточного Средиземноморья раннегреческого и, по необходимости, догреческого периодов, он выходил на широкую панораму всемирной истории и общую картину движения исторических процессов — не только в их культурно-языковом, но и государственно-политическом аспектах. Все они развивались, причем весьма динамично, во времени и про-

странстве, на огромном географическом поле от Испании до Урала и от Скандинавии до Иранского нагорья и Индии. Таким образом, с одной стороны, у масштабно мыслящего филолога волей-неволей складывалась некая геополитическая картина предантичного мира, формировался комплекс геополитических подходов и представлений. С другой стороны, исследовательская работа выводила его в русло историософии и философии культуры. Специфично в этом пути Цымбурского к глубинной, фундаментальной геополитике (а затем и к хронополитике) лишь то, что проделал его филолог, а не историк, что для последнего выглядит, хотя бы на первый взгляд, более логично и органично. Но исторический подход был присущ Вадиму Леонидовичу изначально.

Первоначально складывавшийся у него комплекс геополитических представлений нашел воплощение в идее своего рода «либеральной империи Севера», «Великого кольца» демократических стран, которое должно объединить США, Западную Европу, Японию (и Южную Корею) с отказавшимся от коммунистической идеократии Советским Союзом (а также государствами Восточной Европы) в единый глобальный пояс, занимающий северную часть Северного же полушария. Казалось бы, эта концепция вполне отвечала «духу времени», стремлениям и чаяниям большинства представителей «интеллектуального класса» позднего СССР так или иначе сблизиться с Западом, но заметный общественный резонанс вызвал лишь ее «римейк» в статье... А. Чубайса спустя примерно полтора десятилетия.

В отличие от тех авторов, которые остались в поле западоцентристских идей — в поле, охраненный периметр которого поражение соцлагеря в «холодной войне» весьма укрепило, — Цымбурский, подобно персонажу известной песни Высоцкого, вышел за заветные «красные флажки» и создал по-настоящему оригинальную и глубокую историософско-геополитическую концепцию «Острова России», которая для всех сторонников встраивания России в западный мир прозвучала как первое «Философическое письмо» П.Я. Чаадаева, причем не столько для Александра Герцена, сколько для адептов «теории официальной народности».

«Остров Россия»² многими был воспринят как декларация российского неизоляционизма, но на деле являлся не столько ею, сколько одной из первых по времени попыток наметить для нашей страны проект цивилизационной геополитики. Впоследствии Цымбурский стремился показать: дабы быть продуктивной, цивилизационная геополитика не должна замыкаться на хантингтоновской догме «столкновения цивилизаций».

В то же время он полагал, что ни изоляционизм, ни евразийство в духе П.Н. Савицкого и Л.Н. Гумилева в качестве практической политики не годятся.

Цымбурский был в числе тех немногих людей, кто открыл глаза и увидел, что после распада СССР главный его «наследник», Российская Федерация, под аккомпанемент тысячеголового хора, певшего об «общем европейском доме», о необходимости сближения с Западом, чисто геополитически стала от него отдаляться, поскольку за ее границами встала полоса государств, стремившихся исполнять роль «санитарного кордона», отгораживающего «Московию» от евроатлантического пространства. Воскресли — в обновленном облике — призраки, вызванные к жизни Версальско-Рижской системой, которая по окончании «Великой войны» (так в России до Октябрьской революции называли Первую мировую) в 1919–1921 годах оформила геополитическую карту Европы.

Постсоциалистические государства центральной и восточной части европейского континента, повивальной бабкой которых стал опознанный в свое время Цымбурским, но никем в советских республиках не побежденный «бес независимости»³, сложились на территориях, поглощенных нашей страной по ходу исторического развития и движения к очагам и центрам европейской культуры. Там, в балтийско-черноморско-балканском поясе, междуморье и междумирье, вновь начала разыгрываться

историческая драма с намерением «врунуться» или же «вписаться» в Европу, которое, как видно на примере нынешней Украины, постоянно «напарывает» на экономические, психологические и иные препоны, двусмыслицу «недоинтегрированности». Тем не менее, по справедливому замечанию Цымбурского, практически все тамошние «народы между цивилизациями», особенно их «элиты», склонны считать себя настоящей Европой, своих же восточных соседей держат за азиатов. В этом отношении особенно показательны и забавны нападки венгров, чьи исторические предки, язык и традиционная музыкальная культура происходят из Зауралья, на «азиатское» православие румын. В этой связи вспоминается и то, что именно венгры «отличились» немислимыми, воистину азиатскими зверствами, выделявшимися на фоне немецких и прочих зверств в оккупированной части России во время Великой Отечественной, а также во время венгерского восстания 1956 года.

Смысл своего существования, свою историософскую миссию страны вышеобозначенного региона увидели в том, чтобы «держать и не пущать» — отгородить Россию от Европы отныне и присно, стать глухим шлюзом, разделяющим обе цивилизации, и одновременно плацдармом, с которого военно-политическая мощь Запада проецируется на необъятные пространства Востока.

Благодаря всему этому наша страна откатилась к рубежам допетровской эпохи, вскрылись исторические пласты XVII столетия, что вслед за Г. Гусейновым⁴ и П. Богомоловым⁵ заметил и подытожил В.Л. Цымбурский. По его словам, в новый век русский мир входит внесистемным «зависшим» образованием — материковым «островом Россия».

Таков был парадоксальный итог сознательного и стихийного западоцентризма, пронизавшего российское общество сверху донизу. Его можно объяснить с точки зрения известного рода диалектики: целостная идея должна содержать в себе свое отрицание, тезис и антитезис одновременно. Таким отрицанием, антитезисом российского западоцентризма во внутреннем, духовном пространстве стали, прежде всего, разные изводы и варианты реанимировавшегося евразийства, тогда как во внешнем мире — пояс бегущих от России «nach Westen» стран Восточной Европы.

В программной работе «Остров Россия» Цымбурский назвал эти и им подобные пространства «территориями-проливами» (strait-territories). По мысли автора, strait-territories разделяли платформы, «опорные ареалы» — коренную, наиболее устойчивую часть различных цивилизаций, в том числе российской и европейской. Через год-другой Цымбурский, познакомившись с тезисами автора данных строк⁶, стал именовать «территории-проливы» лимитрофами и создал концепцию «Великого Лимитрофа».

В этот период мировая интеллектуальная атмосфера искрила «цивилизационным подходом», который выкристаллизовывался в головах у множества историков, политологов и геополитиков, прорываясь молниями концепций. Наибольший резонанс из созданных ими интеллектуальных продуктов получила концепция «столкновения цивилизаций» С. Хантингтона.

Но если Хантингтон был Птолемеем-Коперником «цивилизационного подхода» образца 1990-х, то В.Л. Цымбурский сделал в сравнении с ним существенный шаг вперед. Первый попытался разделить планету и человечество на цивилизации «подчистую» — цельными, по-ковбойски неряшливо нарубленными кусками, без полутонов и оттенков. Для второго такое разделение было слишком грубым, слишком неадекватным реальности. И он выработал намного более гибкую, намного более согласную с жизнью модель цивилизационного пейзажа, выделив этнокультурные платформы и переходные пространства, которые их разделяют и соединяют — в парадоксально-«тегелевском» единстве двух этих функций.

В то же время Цымбурский слишком однозначно относил к «территориям-проливам» земли, обладающие разной степенью выраженности в их истории и культуре

переходных качеств. Так, не следует смешивать с лимитрофами лимбовые пространства, обладающие лишь некоторыми, в целом второстепенными, признаками «промежуточности», «контактности», «пограничности». Вадим Леонидович и сам чувствовал, что лимитрофная концепция не выражает всей гаммы «переходных» мотивов, и посему ввел в нее понятие «лимеса» — приграничных, «лимесных» областей. Такие, по его словам, обладают ключевыми этнокультурными признаками ядра цивилизации, но так до конца в цивилизационном отношении и не определяются; в случае, если они геополитически не присоединены к ядру, им грозит «соскальзывание» в лимитрофы. В конечном итоге Цымбурский определил «лимесы» как неустойчивую окраину имперской или цивилизационной платформы и отнес к ним Германию к востоку от Эльбы, часть Украины (прежде всего в Левобережье), некоторые казачьи районы России, Белоруссию, а также Маньчжурию и «Скандинавию шведов, датчан... норвежцев». И хотя однажды он написал о «западноевропейском лимесе», представления о том, пользуясь его терминологией, «лимесы»⁷ составляют пояса территорий, закономерно окаймляющие лимитрофы и отделяющие последние от цивилизационных платформ, а также о том, что к ним относятся не только перечисленные им земли, но и множество других областей, лежащих в Центральной и Средней Азии, в Северо-Западной России и т.д., у него, по-видимому, все же не выработалось.

Программная статья Вадима Леонидовича 1993 года о перспективах отечественной геополитики является «гоголевской шинелью», которую он сам себе сшил и из которой вышли многие его дальнейшие концепции и сюжеты. Она интересна не только понятием «территорий-проливов» и картиной России как «острова в сердцевине суши», из которых логически вытекает представление о ней как о «земле за Великим Лимитрофом», но и постулатом об обилии «трудных пространств» как одной из наиболее важных черт российской геополитической ниши, а также множеством других очень перспективных идей, которые он развил в своих последующих трудах.

Так, нельзя не отметить намеченную Цымбурским в «Острове Россия» концепцию «похищения Европы». Весьма показательны, что первую специальную работу, ей посвященную, — «Циклы “похищения Европы”» — он мыслил как большое примечание к статье «Остров Россия».

В «Циклах...» рассматривался «синтаксис» геополитических отношений России с Западом, начиная с так называемого третьего этапа Северной войны (1710–1718), когда царь Петр послал русские войска на помощь своим германоязычным союзникам — Дании, Саксонии, Ганноверу, и наша армия благодаря этому впервые вступила не на извечно спорные «территории-проливы», а в области коренной Европы.

Анализ данных о вторжениях западных государств в Россию за последние 300 лет, то есть с тех пор, как фундаментом мировоззрения отечественной элиты стал европоцентризм (который со временем, в течение советского, прежде всего — послевоенного, периода превратился в западоцентризм), позволил В.Л. Цымбурскому прийти к ценнейшему выводу: с петровской эпохи «идеалистическое» вползание России в европейские дела, то есть участие ее в войнах за континентальный баланс ради подавления европейских революций и тому подобных масштабных военно-политических столкновениях без всякого расчета на приращение территории или иную осязаемую материальную выгоду, когда Россия навязчиво, часто себе в ущерб, стремилась оказывать союзнические услуги Западу ради одного лишь присутствия на европейском «театре славы», порождало в Европе выплеск ответной агрессии против нас⁸. В то же время исследователь показал, что «взбуханию» российского гегемонизма на европейском фронте всегда предшествует интервенция Запада — либо в форме широкомасштабной войны, подобной Отечественной войне 1812 года и Великой Отечественной войне 1941–1945 годов, либо в виде «мягкого» оттеснения России с занимаемых ею геополитических позиций, что мы наблюдаем сейчас в связи с расширением НАТО на восток и политикой изъятия Украины в сферу тотального контроля со стороны

Евро-Атлантики. Естественно, от характера этой интервенции зависит и характер ответа, даваемого Россией.

Именно концепция «похищения Европы» дает разгадку преимущественной сосредоточенности российской геополитики — начиная как минимум с петровских времен — на «территориях-проливах», находящихся в Восточной Европе.

Причина этого явления виделась Цымбурскому в том, что представители российской элиты приняли европоцентристское миропонимание, пожелали стать европейцами и «утвердить свое достоинство на самой католическо-протестантской платформе». Благодаря такому западному порыву растущая мощь страны стала направляться на поглощение подступающих к Европе «территорий-проливов», которое мешало баланс сил на самом этом субконтиненте и в связанных с ним исторически областях Азии.

«Европохитительство» — это до сих пор неизжитое стремление участвовать во внутренних делах и конфликтах Европы, играть в ней важную военно-политическую роль, которое, что совершенно естественно, претит множеству европейцев и противоречит подлинным интересам России, ее народа, российской культурно-политической нации в целом и русских как таковых в частности. Как совершенно правильно отметил Цымбурский, идеология «нашего» «похищения Европы» легко сползает к пафосу «почетного самоубийства» России через ее слияние с платформой «политичных народов», то есть народов, принадлежащих к западному сообществу. Такое «слияние» приводит к «сливу» России, подобному тому, который происходил в 90-е.

То, что называют «русским европеизмом», есть мимикрия, культурный псевдоморфоз нашего национального духа. Но псевдоморфоз этот не бесплоден, он существенно обогатил и продолжает обогащать и Россию, и Европу, и человечество в целом. А вот «европохитительство» нельзя не признать величиной исключительно отрицательной. Так, во многом именно благодаря практике «европохитительства» враждебное восприятие России Европой переросло в цивилизационную войну, которую она вела против нас с начала XVIII столетия и которую унаследовал коллективный Запад. И именно оно, «европохитительство», в эпоху войн с революционной Францией помешало нашей стране решить важную геополитическую «задачу-минимум» — овладеть Босфорским проливом. В тот период Россия располагала силами, которых вполне хватало для осуществления этой стратегической цели. Пользуясь «гражданской войной» в Европе, борьбой ее монархических режимов с французами и их союзниками, выступившими под знаменем «свободы, равенства, братства», она могла взять Константинополь. Но вместо этого русские императоры — Павел (который в 1800 году самым роковым для себя образом «прозрел») и особенно Александр I — втянули страну в совершенно ненужные ей антифранцузские коалиции.

В истории российских пространств, российской цивилизации как таковой начало «европохитительству» элит положила тяга верхушки скифо-сарматских обществ к античной, греческой и римской культуре, к ее формам, образцам и стандартам. С точки зрения греков и римлян, скифы и сарматы были хрестоматийными варварами, да ведь и «европохитительство» — вещь варварская, по самой своей природе. Оно предполагает непонимание и отчуждение от своего, родного, отречение от него и возведение вместо этого родного на пьедестал высшей ценности чужого, внутренне чуждого. «Похищение Европы», которое в течение прошедшего века трансформировалось в «похищение Запада», приводило и все еще приводит к колоссальным растратам, к чудовищному разбазариванию ресурсов России, как людских, так и материальных, не давая при этом отдачи, сколько-нибудь адекватной потраченным впустую усилиям. Так, те геополитические приращения между Черным и Балтийским морями, которые наша страна с таким трудом и такую непомерную цену собирала на протяжении второй половины XVII — середины XX столетий, в одном только прошлом веке сбрасывались с бортов российского державного корабля дважды.

«Европохитительство», как справедливо полагал Вадим Цымбурский, мешало заниматься обустройством подлинной, «коренной» России, России как она есть — особенно восточной, зауральской части ее. Эти территории, по словам Цымбурского, давно застолблены русскими, а недоосвоены они во многом из-за того, что «в нашей трехвековой имперской истории преобладали экстравертные — европейские, балканские, отчасти ближневосточные — фокусировки».

«Евро-», или «западопохитительство» и сейчас препятствует освоению Русской Азии. В данном отношении Цымбурский на страницах «Острова Россия» выступил оптимистом, полагая, что вместе с большевистской государственностью «окончился весь 270-летний великоимперский западоцентристский цикл российской истории». Однако западоцентризм вплоть до настоящего времени остается едва ли не главным нервом нашей политики.

Западоцентризм «отечественной» элиты начала «нулевых» Цымбурский охарактеризовал как стремление «сесть у края стола богатых и сильных», а ее саму обозначил как «корпорацию по утилизации Великороссии». И с начала двухтысячных положение поменялось, мягко говоря, не принципиально.

Российский правящий слой до сих пор хочет солидаризироваться если не с целокупным Западом, то хотя бы с частью его, сыграв на разногласиях и противоречиях между различными акторами западного мира. В частности, наши политики все еще пытаются взять в союзники крупнейшие державы европейского континента — Францию и Германию. Да что Берлин и Париж — даже Вашингтон надеются в друзья подверстать. Но Цымбурский уже в середине 90-х отметил: на Западе мы имеем дело не с автономными силами, стремящимися в свободной борьбе максимизировать свою выгоду, а с провинциями «мягко» структурированной Империи, где территориальные и надтерриториальные (например, МВФ) субцентры «давно притерлись друг к другу и усвоили правила кооперативной — “постисторической”, по Ф. Фукуяме — игры, противопологающие это сообщество внешней ойкумене». Данный пассаж очень хорошо объясняет необъяснимое (с точки зрения «политического реализма» и логики примата экономических интересов над всеми прочими — корпоративными, идеологическими и т.д.) поведение европейских стран, включая костяк ЕС, франко-германский «тандем», в текущем украинском конфликте.

По мнению Цымбурского, едва ли не вся не только западная, но и восточная политика России в имперский период являлась элементом стратегии «похищения Европы». Во всяком случае, за войнами с Турцией, движением к черноморским проливам, Балканскому полуострову и Средиземному морю, а также в Переднюю Азию ему виделся именно Протей «европохитительства». Даже «Дарданелльская греза», считал Цымбурский, обусловлена представлением о Западе как центре мировой ойкумены.

Думается, что здесь он прав лишь отчасти. Об этом подробнее.

Цымбурский являлся разработчиком концепции международной Балтийско-Черноморской конфликтной системы (БЧКС). Он постулировал, что сформировалась эта система еще в XVI веке, то есть за полтора-два столетия до признаваемого им самим начала «похищения Европы» Россией. И уже тогда ее границы стали продвигаться на Запад, к европейским пределам. Поэтому для того, чтобы быть последовательным, следует либо признать, что российское продвижение к берегам Днепра и в Причерноморье может быть не связано с «европохитительством», либо отнести начало «похищения Европы» к более ранней эпохе и признать частью этого процесса и интеграцию Левобережной Украины с Московией, и даже включение в пределы последней просторов Дикого поля. Однако расширение степными черноземными землями как минимум до начала XVIII века — сугубо российский цивилизационный и геополитический сюжет, о чем чуть ниже.

Кроме того, необходимо учесть, что в Причерноморье, на Балканах, на Ближнем Востоке, тем более на Востоке Дальнем, а также в Центральной Азии Россия не столько

боролась за преобладание в Европе, сколько двигалась на лимитрофные земли, котрые от века разделяли российское, европейское, афразийское (арабо-персидское), южно — и восточноазиатское месторазвития и сложившиеся в их пределах цивилизации. Но если на Балканском полуострове и во владениях Турции, в Средней Азии, в Приморье и в Приамурье Петербургская империя решала задачу установления контроля над теми или иными сегментами Великого Лимитрофа (пояса сливающихся друг с другом периферий мегацивилизаций Евразии⁹, к северу и востоку от основания гигантского географического «горба» Амура он существовал скорее потенциально), то в Причерноморье ее первичная цель была совершенно иной, хотя и связанной с линией Великого Лимитрофа благодаря гнездившемуся в Тавриде Крымскому ханству.

Эта первичная цель заключалась в искоренении военной угрозы, которая исходила от кочевников, жителей степей, — земледельцам, северным их соседям. В ходе ее достижения Россия и начала двигаться в Причерноморье, осуществляя аграрную колонизацию пояса степных черноземов. Только с XVIII столетия такого рода политика стала в той или иной степени, скорее опосредованно, чем прямо, сочетаться с политикой «похищения Европы».

Нельзя не отметить исключительно важные замечания и размышления Цымбургского о пределах Европы — физико-географических и цивилизационных, в частности, о балтийско-черноморско-адриатическом полосе как преддверии ее этнокультурной платформы и части пресловутого «Великого Лимитрофа».

В то же время «сухопутная островитянка» Россия виделась Цымбургскому землей, которая лежит за ним, за «Великим Лимитрофом».

Очень оригинально и вполне обоснованно его представление о том, что с позднего средневековья западный мир в течение нескольких столетий обладал биполярной геополитической структурой, в которой реализовывалась его фундаментальная биполярность. Цымбургский связывал эту биполярность с обособлением и конкуренцией двух разделенных Рейном больших провинций раннесредневекового Франкского королевства — Нейстрии и Австразии.

На мой взгляд, отмеченная Вадимом Леонидовичем фундаментальная биполярность заложена отнюдь не соперничеством этих рыхлых, непрочных и, в сущности, случайных геополитических образований «темных веков» континентальной истории, которые давным-давно канули в Лету. Она определяется тем, что европейскую цивилизацию образуют две метакультуры, или, если угодно, субцивилизации, — германская и кельто-романская. Поэтому речь следует вести о фундаментальной биполярности не западного мира в целом, а отдельно взятой Европы, т.е. европейской цивилизации.

Аналогичная биполярность свойственна российской цивилизации. Но в нашем случае речь идет о сибирской и восточноевропейской (или, если угодно, великорусской)¹⁰ метакультурах.

В отличие от В.Л. Цымбургского я считаю, что первое внятное выражение на геополитическом уровне фундаментальная биполярность Европы получила не в эпоху Нейстрии и Австразии (VI–VII вв.), а полутора столетиями позднее. Времена раннего Франкского королевства, когда существовали эти самые Нейстрия и Австразия — эра перехода от социумов античного поколения (формации) к социумам нынешнего, т.е. современного поколения. Этот переход закончился примерно в IX веке. Именно тогда, по заключению Верденского договора 843 года, появились Западно-Франкское и Восточно-Франкское королевства. С их формированием и произошла геополитическая кристаллизация двух полюсов европейской цивилизации, нашедшая свое предельное выражение в противостоянии Франции и Германии в 1870–1940-е годы.

Он заметил, что к середине 90-х многие идейные наследники евразийства, точнее, приверженцы «евразийской миссии» России, такие как А.С. Панарин и С.Е. Кургилян, а также эксперты, например А.И. Неклесса, в отличие от евразийцев первой вол-

пы русской эмиграции, которые «уравнивали» Россию с Евразией, стали эти два понятия «разводить». Данная тенденция как нельзя лучше отвечала изменению контуров нашей страны, которая после крушения СССР отодвинулась и от коренной Европы, и от арабо-персидского Среднего Востока.

Благодаря всему этому Цымбурский пришел к образу «России в Евразии» и к пониманию России как пространства и человечества, которые находятся за Евразией. Под последней он начал подразумевать «территории-проливы» от Северного Ледовитого до Тихого океанов, отделяющие российское этнокультурное ядро от платформ соседних цивилизаций и стыкующиеся друг с другом в единый грандиозный континент, который исследователь окрестил Великим Лимитрофом. В то же время, «Россия-Евразия» выступала для него продуктом интериоризации, «овнутрения» Россией этого самого Великого Лимитрофа.

Несколько слов следует сказать о Корейском полуострове. Вадим Леонидович однозначно относил его к своему Великому Лимитрофу, протянувшемуся от Финляндии как раз до Кореи. Думается, что к нему эта страна все-таки не относится. Культурно и исторически она, несмотря на языковое и расовое родство корейцев с алтайскими народами, никогда не выбивалась за пределы восточноазиатского мира, однако примерно с начала нашей эры, если не с середины предшествующего ей тысячелетия, выполняла роль своего рода барьера и связующего звена между материковым Китаем и Японскими островами. Цымбурский сам признавал Корею «иноэтническим филиалом конфуцианско-буддистского Китая», то есть де-факто частью соответствующего цивилизационного пространства. Таким образом, Корею в целом следует рассматривать как «внутренний лимитроф» дальневосточной цивилизации, разделяющий и соединяющий входящие в нее японскую и китайскую метакультуры (субцивилизации). Вместе с тем окраинное положение севера Корейского полуострова по отношению к восточноазиатскому миру и его относительная открытость влияниям, исходящим из-за его рубежей, заставляют одновременно относить эту часть Кореи к лимбовой зоне данной цивилизации.

Цымбурский как стратег видел, что борьба между двумя тенденциями мирового развития — к уни- и к многополярности, которая, по его мнению, составит главное содержание глобальной военно-политической истории в ближайшие как минимум полстолетия, — будет протекать на пространствах Великого Лимитрофа. Он хорошо понимал, что если вся эта геополитическая структура окажется насквозь соединена в противостоящую большинству платформ Евразии стратегическую и геоэкономическую целостность с прямым выходом через Восточную Европу на Евро-Атлантику, то победит первая из этих тенденций, тогда как вторая восторжествует в том случае, если та же Восточная Европа, Кавказ и Средняя Азия станут, прежде всего, посредниками между соседними с ними цивилизациями.

Следуя логике системных связей, Цымбурский полагал и надеялся, что обретение «территориями-проливами» формального суверенитета по отношению к России («экстериоризация Лимитрофа») превратит нашу геополитику в значительной степени в геополитику «внутреннюю», приведет к федерализации политического устройства страны и подъему местного самоуправления, а также к большому кризису идеологии «похищения Европы», усилению автохтонистских и изоляционистских веяний, отказу России от прямого присутствия в геополитике соседних цивилизаций, к идеологическому обесцениванию иллюзорной принадлежности нашей страны к западному цивилизационному клубу.

Думаю, что все это (за исключением автохтонизма и изоляционизма) стало бы для России огромным и несомненным благом. И в том, что перечисленные пункты стратегической российской «повестки дня» до сих пор не воплощены в жизнь должным образом, вины Вадима Леонидовича нет.

В качестве геополитической стратегии для современной России вместо исчерпан-

шего себя «евро-», а также «западоцихительства» Цымбурский предложил сформировать вокруг нее собственный внешний пояс территорий-прикрытий из лимитрофных земель. Таковой начал складываться уже после распада СССР. В его состав входят лимитрофные Абхазия и Южная Осетия, лимбовое Приднестровье. В этот пояс можно было включить лимитрофный Крым, но сейчас на повестке дня — становление лимбовой Новороссии.

Одна из главных идей Цымбурского — создание нового общегосударственного центра на нашем востоке. Представления покойного геополитика о возможном переносе российской столицы и о «Русской Азии» имеют особенную важность и ценность.

Столица, постулировал он, суть привилегированная точка, из которой Центр видит свою страну и мир в целом. Поэтому от того, где она находится, зависит и та картина, которая открывается взору власть предержащих. Так, например, из Красноярска, тем более из Владивостока, виднее, что Россия граничит не с Англией, Швейцарией, Лихтенштейном и островом Кипр, а с Китаем, Японией и США, что от ее рубежей открывается перспективный в экономическом отношении путь к берегам Вьетнама, Филиппин, Малайзии, Индонезии, стран Южной и Центральной Америки. Впрочем, многие политики в Вашингтоне (те, которые «правоверней» новопреставленного Збигнева Бжезинского), кажется, уверены в том, что граница Америки и РФ проходит не по Берингову проливу, а по восточным рубежам Украины, закрепленным беловежским «междусобойчиком».

По мнению Цымбурского, то, что мы зовем Центральной Россией, на самом деле — часть упершегося в Восточную Европу запада нашей страны. Это фактически ее пограничье, тогда как подлинной Центральной Россией является Южная Сибирь с Уралом на входе. Однако столица страны находится не там, а в западном ее порубежье.

Роль нынешней, обретающейся возле границ столицы, считал мыслитель, — паразитарное цепляние за Евро-Атлантику. Претензия на статус западнического авангарда в России дает Москве мнимое право манипулировать ресурсами нашей страны. И здесь с ним трудно не согласиться.

Цымбурский очень основательно полагал, что современное отечественное компрадорство вращено именно московским Центром и представляет собой феномен прежде всего политический, следствие добровольной ориентации российской власти на определенный цивилизационный клуб, который ей не по чину и не по карману, и жажды выслужить симпатию хозяев этого клуба.

В России, не без оснований считал Цымбурский, политический и хозяйственный фокусы могут смещаться только вместе, и первый должен указывать направление сдвига второму. В стране, где бизнес настолько зависим от политики, другая политика породит другой бизнес, а российским политикам в своем мировидении не следует быть привязанными к европейской окраине. Концепция «новой столицы» должна иметь в числе своих целей появление номенклатуры, геополитически «обреченной» на иное, нежели сейчас, понимание мирового расклада и своего места в нем и иначе строящей внешнюю и внутреннюю, в том числе демографическую и экономическую политику страны. Последней необходима власть, склонная в минимальной степени принимать обязательства, связанные с имиджем «европейской державы» или младшего члена в клубе «богатого Севера».

В настоящее время, особенно в связи с украинским кризисом, эти идеи Цымбурского становятся еще более актуальными, нежели тогда, когда они были высказаны впервые.

Создание «нового Центра», считал мыслитель-геополитик, означает смену большой стратегической парадигмы для страны и несет с собой не просто отказ от прежних притязаний, но потенциал крупных новых целей, и проникнуто мобилизационными мотивами, мотивами «новых далей» для русских.

Впрочем, сам он предпочитал говорить не о «переносе столицы», а о необходимом

пересмотре ее, столицы, отношения к проступающей структуре российской платформы. Перенос модален в том случае, если власть, адекватно оценивающая миросистемные проблемы России и те подходы к ним, возможности которых заложены в ее геополитической структуре, в Москве оформиться не сумеет. Вследствие этого она как столица будет становиться все менее функциональной, и выживание ее в данном качестве рано или поздно вступит в такое противоречие с выживанием государства, что его нельзя будет решить никакими демократическими процедурами.

Юго-Западную Сибирь и переходящие в нее восточные склоны Урала — земли между Екатеринбургом, Оренбургом и Кемерово — Цымбурский называл «парадоксальной сердцевиной», «пятой “скрепой”» России, которую практически нельзя обкусать, переориентировав вовне страны. Но здесь она, как нигде, может быть просто-напросто разломлена.

Моя точка зрения близка к точке зрения В.Л. Цымбурского. Но опираюсь я на иные основания, нежели он, и считаю, что средоточие, «сердцевина центра» российского культурно-исторического мира — Южный Урал. Там, на перекрестии стыка восточноевропейской и сибирской метакультур с лесостепью, «посредником» между важнейшими историко-культурными зонами России — «Лесом» и «Степью» — находится ее сердцевина, «цивилизационный “Хартленд”»¹¹. В то же время Москва лежит на границе лимбовой зоны российской цивилизации и ее ядра, этнокультурной платформы. Поэтому перенос столицы в подлинный центр России может, помимо прочего, означать торжество, так сказать, цивилизационно-географической справедливости.

В прошлом веке, по точному замечанию Цымбурского, сдвиг турецкой столицы из Константинополя в Анкару отметил конец обращенной к Балканам Османской империи и возникновение турецкого национального государства на малоазийской платформе; переезд столицы Бразилии с атлантического побережья вглубь континента — начало освоения центра страны, а в наши дни перенесение столиц Казахстана и Германии соответственно в Астану и Берлин нацелено на интеграцию «слабо вписанных в целостность этих государств и, если так можно выразиться, склонных к “отсыханию” регионов на стратегически высокоценных направлениях». И коли суждено России получить новую столицу, то в видах сохранения целостности страны и обретения ею нового дыхания, новых сил единственная осмысленная альтернатива такого рода есть Зауралье, а не, к примеру, отыгравший свою «европейскую» геополитическую партию Петербург.

В истории нашей страны перенос столицы всегда означал серьезное, порой — резкое, революционное изменение стержневого культурного и политического проекта. Так, утверждение в столичном статусе Питера принесло ориентацию на европейские культурные нормы и практику имперского «похищения Европы». Поэтому создание новой столицы за Уралом может ознаменовать поворот от «евро-» и в целом «западопохитительства» «лицом к Востоку» — прежде всего, к Востоку внутреннему, сиречь Русской Азии, а также к Востоку внешнему, лежащему на берегах Тихого океана. Впрочем, обращение к возможностям, лежащим в области АТР, отнюдь не означает проведения специфической культурной политики, скажем — принятия конфуцианской этики, корейского буддизма или же японского синтоизма.

В 20–30-е годы прошлого века к «повороту на Восток» призывали русские эмигранты-«евразийцы». Но тема восточного Центра имела для Цымбурского вовсе не евразийский смысл. Для него она была темой резервных, нераскрытых потенциалов русского пространства, которые от взгляда из Москвы заслоняются «галлюцинаторными порождениями великоимперских, в том числе традиционн-евразийских переживаний».

В свое время К.Н. Леонтьев заклинал перенести центр тяжести религиозно-культурной жизни России «с европейского Севера на полуазиатский Юг»¹², то есть на бе-

рга Босфора, в уже упоминавшийся выше Контантинополь. Таким ему виделось правильное завершение пресловутого Восточного вопроса. По мнению русского мыслителя-консерватора, эта мера была необходима для создания новой, самобытной культуры, которая спасла бы Россию от надвигающегося социально-политического упадка. Иной выход из «нашего нравственного и экономического расстройтва... мы напрасно будем искать в одних внутренних переменах»¹³, — считал Константин Леонтьев.

Цымбурский столь далеко в своей «восточной» программе не заходил и такого радикального культурного поворота, как Леонтьев (а равно и евразийцы), отнюдь не предполагал. Он стремился к крупным изменениям, прежде всего, в политике, внутренней и внешней, и в экономике; культурные же вопросы, в сущности, не затрагивал и о возможной новой столице как очаге некоей невиданной «островитянской» культуры нигде не писал.

Сейчас, говоря о новом, «восточном», центре, необходимо отметить: упорное приближение НАТО к нашим границам и ситуация с Украиной являются весомым дополнительным доводом для переноса столицы вглубь страны. Украинская драма — очередной этап оттеснения России из Европы и установления ее изоляции от Европы. При этом уже в недалеком будущем самые демократические ракеты в мире могут угрожать Москве с берегов Днепра и даже с еще более восточных позиций — из-под Чернигова, из-под Харькова, из-под Сум.

Нельзя не признать правоту Цымбурского в том, что, говоря о безопасности России, надо принципиально отказаться от суждений на предмет ее «призвания» и «предназначения», поскольку трактовка вопросов такого рода даже в наилучшем из случаев будет всего лишь кружковым кредо, но не общезначимым мнением. Установление власти, разделяющей догмат некоего трансцендентального российского предназначения, вполне возможно, однако такой догмат останется всего лишь неким эзотерическим верованием правящего слоя¹⁴.

В провалы 90-е этот геополитик чаял наступление нового режима, который станет реакцией на «демократическую брежневщину» ельцинской эпохи и попытается обозначить для России новые цели. Геополитическим выбором для такого режима, по мнению Цымбурского, могла быть «либо “Новая Ялта” русскими ресурсами и русской кровью — либо “переоценка составляющих России” с фокусировкой активности Центра на тех краях, которыми обновится место страны в мире и ее национальная судьба».

Чаемые мыслителем (и не им одним) времена отчасти наступили — но только отчасти. Пока действий власти, решительных и энергичных настолько, насколько этого требует ситуация, сложившаяся после «крымской весны», увы, не видно принципиально. Напротив, Россия если не сдала, то как минимум упустила — в марте-мае 2014 года те стратегические позиции на востоке и юге Украины, которые могла закрепить, прояви она достаточную политическую волю, а не, мягко говоря, близорукость, проистекающую не только из пиетета «нашей» элиты по отношению к Западу, но и из ее бизнес-интересов в «Киевской Неруси».

Особую актуальность приобрели слова Вадима Леонидовича о том, что защищать Россию — значит утверждать принципиальную возможность оправдать ее опыт, и именно с этой позиции наша стратегия национальной безопасности обязана противостоять принесению страны в жертву любым замыслам реконструкции материка, а ориентиром для нее должен стать секулярный геополитический проект, свободный от публичных апелляций к сверхсмыслам, лишенный достоверности и для большинства сегодняшних русских, и для зарубежных симпатизантов России.

Геополитическим данный проект должен быть потому, что «в обществе, круто разделенном по социальным ориентирам, геополитика, представляя страну <...> как единого игрока по отношению к внешнему миру, несет в себе миф “общей пользы”».

следствие чего «искомая многими партиями и элитными группами идеология, которая бы “сплотила Россию”, почти неизбежно должна включать сильный геополитический компонент»¹⁵.

В.Л. Цымбурский оставил своего рода «геополитическое завещание». Прежде всего, он призывал к нейтрализации наиболее опасных для нашей страны возможностей развития событий на окружающем ее лимитрофном поясе¹⁶, затем — к усилению влияния России на мировой порядок, не созданный русскими и не на них рассчитанный. Оптимальным, с его точки зрения, был бы геополитический проект, объединяющий обе данные цели и ориентированный на то, чтобы добиваться их одновременно и сразу. При этом отечественной геополитике следует все становиться геополитикой внутренней, нацеленной на оптимизацию использования российских пространств, востребование возможностей, бывших в имперскую эпоху «задепонированными», а наша международная стратегия должна определяться соотношением конъюнктур Великого Лимитрофа и Великого (т.е. Тихого) Океана.

СНОСКИ И ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ Межуев Б.В. Политическая критика Вадима Цымбурского. — М.: Европа 2012.

² Цымбурский В.Л. Остров Россия (Перспективы российской геополитики) // Полис. 1993. № 5.

³ Цымбурский В.Л. «Бес независимости» // Век XX и мир. 1991. № 3.

⁴ Богомолов П. Шило на мыло // Правда. 1993. 17 сентября.

⁵ Гусейнов Г. Исторический смысл политического косноязычия // Знамя. 1992. № 9.

⁶ Хатунцев С.В. Новый взгляд на развитие цивилизации и таксономию культурно-исторических общностей // Цивилизационный подход к истории: проблемы и перспективы развития. Воронеж, 1994.

⁷ В моей терминологии лимес — нечто совершенно другое: это культурно-географическая граница, отделяющая одну цивилизацию от другой. «Лимесу» Цымбурского во многом соответствует мое понятие «лииб». «Либ» — это полоса примыкающих к «лимитрофным землям» территорий, в чьей традиционной культуре формы и комплексы, происходящие из соседних цивилизаций, играют заметную роль, но прослеживается доминанция «коренных», автохтонных культурно-исторических сюжетов и форм, свойственных цивилизации данной.

⁸ Цымбурский В.Л. Остров Россия. Геополитические и хронополитические работы. 1993–2006. — М.: РОССПЭН, 2007.

⁹ Моя версия «Великого лимитрофа» в нескольких своих блоках существенно отличается от версии В.Л. Цымбурского. См.: Хатунцев С.В. Лимитрофы — межцивилизационные пространства Старого и Нового Света // Полис. 2011. № 2.

¹⁰ Названа по ее географическому расположению на Восточно-Европейской (Великой Русской) равнине.

¹¹ Хатунцев С.В. Идите все, идите... на Урал! // Политический класс. 2007. № 12.

¹² Леонтьев К.Н. Записки отшельника // Леонтьев К.Н. Восток, Россия и славянство. Философская и политическая публицистика. Духовная проза (1872–1891). — М.: Республика, 1996.

¹³ Леонтьев К.Н. Письма о восточных делах // Леонтьев К.Н. Собр. соч. Т. 5. М.: В.М. Саблин, 1912.

¹⁴ Цымбурский В.Л. Остров Россия. Геополитические и хронополитические работы. 1993–2006. М.: РОССПЭН, 2007.

¹⁵ Цымбурский В.Л. «Остров Россия» за пять лет. Приключения одной геополитической концепции // Россия и мир: политические реалии и перспективы». М., 1997. № 10.

¹⁶ И здесь опять нельзя не вспомнить сведенную, но и в то же время сошедшую с ума Украину.

